

Прекрасная Марта

Веч. Москва - 1999 - 19 авт - с. 7.

После двух минут общения с Мартой Каменской можно ставить безошибочный диагноз: дама благородных кровей. Осанка, поворот головы, плавная речь, спокойный голос, — достоинство чувствуется во всем. Людей такой дореволюционной «породы», может быть, в Париже еще встретишь, среди потомков эмигрантов первой волны. Марта живет в Москве. Создает модели одежды, которые даже при сегодняшнем изобилии не спутаешь ни с какими другими: шубы из шелка, похожие на сон Пьеро, свитера, связанные, как половинки из разорванной зигзагом ткани, жакеты-гулаги, сшитые, как натуральные лагерные, но из дорогого черного шелка... Про свои дворянские корни Марта говорит лишь у фотографий ушедших в небытие родных, через паузы: «Да, мама была дворянкой... Дед в белой гвардии был... Прадед священником служил... Родственниками дальными Циolkовскому приходились...»

Ирина КОРНЕЕВА

— Марта, вы, наверное, в детстве по-французски говорили?

— Мое самое раннее детство — это война. Не до французского языка было. То время у меня всегда ассоциируется с чувством голода. Мы — пятеро детей с мамой — оставались в Москве, в эвакуацию никуда не поехали, оказались отрезаны от родных. Но мама даже в тяжелые дни старалась нас образовывать. К нам приходил музыкант, учил детей играть на скрипке — за еду, потому мы вместе обедали, геркулес ели... Пять нас учили. А я много занималась классическим балетом, практически все детство. Даже поступала в Театр Станиславского, но на третьем туре не прошла. Всегда жалела, что не стала балериной, только сейчас успокоилась. Я всем маленьким девочкам посоветовала бы заниматься балетом — это дает осанку на всю жизнь.

— Первые уроки рисунка от кого вы получили?

— У нас дома всегда рисовали, лепили. Мама была художницей и скульптором, отец — художником. В его первой мастерской на углу Большой Дмитровки и Петровского переулка мы и жили. Это была большая комната в тридцать два метра с витринным окном во всю стену, а под комнатой был такой же подвал. Родители сделали треххрупновую квартиру: построили антресоли для спален, в подвал перенесли кухню и всякие добства. Ну, не всякие, горячей воды не было.

До революции там была буничная, теперь — кафе. Я увидела как-то, что дверь открыта, зашла, официантка поняла, что я раньше жила в этом доме, показала мне помещение. Антресоли снесли, конечно, в подвале теперь еду готовят. Для меня это тяжело было. С возрастом сентиментнее становишься, что ли... Когда иду в мастерские Большого театра, там мне вышивку делают, быстрее стараюсь проходить мимо дома, где мама умерла. Мне восемнадцать лет тогда исполнилось... С годами тяжелее это сознавать, в молодости ведь трагедии не так воспринимаешь. Кажется, все счастье еще впереди.

— Почему вы стали художником-модельером, а не пейзажистом, например?

— Мама шила у Ламановой — известного модельера в России 30-х годов. А я, хоть и жила в художественной семье, в институте поступила какой-то строительный и поначала работала инженером в проектном институте. От той молодости я не могу вспоминать без ужаса. Я очень терпеливая по натуре, долго считала, что должна ходить на службу, хотя труту работу ненавидела. И однажды поняла, что просто не могу больше там находиться. Но это не так важно, как возникшее неистребимое желание шить.

— Свои первые авторские работы помните?

— Это были две ситцевые телогречки в крестьянском стиле — первое движение души. Моя старшая сестра тоже была модельером, но иного направления. Так вот она взяла те телогреечки себе на работу и потом сказала, что их хотят купить две манекенщицы. Для меня это было честью. Я поняла, что смогу зарабатывать любимым делом и ушла из института. Можно сказать, начала вторую жизнь.

— Когда это случилось?

— Лет двадцать пять назад. В советское время.

— Тогда вопросы могли возникнуть: почему не работаете в госучреждении...

— Были и в то время неработающие женщины. Мужские жены. А я имела право не работать, у меня сын еще маленький был.

— В гардеробе сына есть ваши вещи?

— Ни одной. Нарядами он совершенно не интересуется, его страсть — автомобили. А внучки когда ко мне приходят, те такое дефище устраивают! Надеваются на себя длинные платья, ходят, как манекенщицы — ножку за ножку. Это очень приятно. Мне не повезло, что у меня только сын, для женщины интересно иметь дочку. Я работаю для себя, но если бы меня спросили, кто меня вдохновляет, то это вот две маленькие девочки, внучки, которые существуют в моей жизни.

— Здесь (в стильной квартире в центре — с аркой, но без видимых разделений на кухню и комнаты. — Прим. ред.) вы и работаете?

— Да, моя творческая жизнь проходит здесь. В «студии 0», так это называется за границей. Мне нужно было большое пространство, и в двухкомнатной квартире пришлось порушить все перегородки. Оказалось, очень удобно. Не я изобрела, за границей часто так делают, это мы пришли делить жилище на клеточки.

— А почему букет искусственных роз на вашем столике перед зеркалом — траурный?

— Траурный? Нет, просто черный — мой любимый цвет. Черный, синий, темно-фиолетовый, темно-зеленый, вся врублевская гамма. В букете есть просто цветы, сделанные с моделью, есть розочка со шляпками, серьги, заколки для волос, брошки, клипсы, которые мне подарили во Франции, но они очень экстравагантные, вот они и оказались в вазе. Мне кажется, цветы в доме, когда они не похожи на настоящие, интереснее. А темные тона связаны еще и с желанием все в моей квартире сделать лишь неброским, ненавязчивым фоном для работы. Чтобы я сама не была ярким пятном и чтобы мебель — синяя, серая — тоже ничего не выхватывала из интерьера. Когда сын вырос, вся моя оставшаяся жизнь стала принадлежать работе.

— Можно узнать, почему у вас на шее — колючая проволока из серебра? Чей это ювелирный экспрессионизм?

— Это я придумала, а сейчас по моему эскизу делается еще колье в виде терновного венка. Как ни странно, такие вещи подчеркивают женственность и беззащитность лучше, чем нежные кулончики.

— Вам черный цвет помогал в жизни? То, что вас окружает, связано с какой-то мистикой моды?

— Мистики никакой нет. Я не очень-то поддаюсь внушению и тем более сама не умею гипнотизировать. Но я верю в народные заговоры. У меня есть несколько книжек с ними, которые я перечитываю как хорошую литературу. В народные заговоры вложена очень напряженная энергия. В это можно верить, разумеется, в разумных пределах. Если читать активно «сприсуху» — приворотный заговор, постоянно думать о человеке, представлять его в привычной обстановке, получается как передача мыслей на расстоянии или внушение. Важны не слова, а механическое повторение того, что ты хочешь, эмоциональный настрой.

— Я обратила внимание, что практически вся коллекция одежды «Марты» одного размера — вашего. Вы согласны с тем, что модельер шьет потенциально на себя?

— Я не знаю, как модельеры-мужчины, но женщины довольно часто это делают. Я во всяком случае первый экземпляр всегда примеряю на себя, выхожу на улицу и смотрюсь во все витрины и в глаза прохожих: как на вещь реагируют женщины в tolle. Ведь мне хочется, чтобы моя одежда шла не только прекрасным манекенщикам, но и женщинам мо-

Василий Иванов

его плана, возраста, которые работают, ходят с сумками. Чтобы всякая женщина стала красивее в моей одежде. Ну я а сама себе манекенщица. По-моему, очень женское качество — воспринимать все через себя. Мужчины отвлеченные мыслят, а мы больше актрисы в жизни. Женщина постоянно ставит себя на место другого. В моей студии образовалась как бы женский клуб — столово судеб проходит передо мной, столько сюжетов для Людмилы Петрушевской! Жалко, что у меня нет писательского таланта. Когда слушаешь женские истории, понимаешь, что каждый мужчина — он сам по себе, твердо стоит на своих позициях, а женщина — любой, даже очень независимый, приходится подстраиваться. Мы, как психологи, больше разбираемся в жизненных ситуациях. Когда при разговоре с мужчинающим возникает проблема или конфликт, удивляешься: даже самый умный всегда смотрит только со своей колокольни. Вы не заметили? А женщина гибче, если поставит себе задачу все-таки прийти к истине. Это так глубоко в ней заложено. И поэтому женщина-модельер сначала на себя все примеряет, хотя бы в мыслях, а потом других представляется в этой одежде. Если бы я была мужчиной или не старалась следить за собой, оставаясь женщиной в любом состоянии и возрасте, мне труднее было бы делать модели. Но я такую философию развела...

— Подруги ваших советами начали одежду охотно пользуются?

— Если мне нравится какая-то женщина, мне хочется ее одеть. А одеть ее я могу, естественно, только в свое. Есть женщины в себе очень уверенные, твердые, они свой стиль сохраняют, а есть податливые. И те из моих подруг, которые принадлежат к числу последних, ходят в моем стиле...

— Это бизнес-леди или те, кто может себе позволить дни проходить в косметических салонах?

— Мне интереснее шить именно

для работающих женщин. Большая часть времени у меня самой идет на заработок. Конечно, жалко времени, которое могло бы пойти на чисто творческую работу, но кто об этом не жалеет? С другой стороны, я иногда думаю, хорошо, что мне надо зарабатывать деньги, ведь сколько есть скучающих дам, которые не знают, куда себя деть, потому что у них есть все, что им надо. Я вижу, как они мечтутся. Женщины по своей природе — неспокойные существа, они не могут, как мужчины, сидеть на пенсии и смотреть телевизор. Им обязательно нужно к чему-то стремиться. Или женщине нужны перемены в личной жизни, или она впадает в такое состояние, когда говорит: я хочу сама, не знаю чего. Но нам с вами, я думаю, такая неупокойность не грозит.

— Марта, а какие-нибудь фамильные драгоценности у вас сохранились?

— Мои драгоценности — старинные лоскутки. (Марта показывает на столку различных по ветхости тканей. — Прим. ред.) Лежат, ждут своего часа. Какие-то кусочки уже в Америку уехали... Вот эти бархатные фрагменты со стеклярусом — начала века, а эта тряпочка с золотым шитьем и фигурами вырезанной рыбьей чешуй — XIX века. Я с них техники беру. Что-то нахожу в антикварных магазинах — старушки несут, один лоскуток обнаружила в брошенной квартире — постирала, вешь-то, в общем, музейная, на ней вышивка необыкновенная, я не знаю, как она выполняется, и мастерица не могу найти, которая смогла бы ее повторить. Тряпочка ведя проходит, она уже совсем ветхая, и вышивка навсегда уйдет, насовсем... А вот пиджак из шали XIX века — я шаль расшила, нужно было ткань закрепить. Один узор я повторила от моей свекрови — у нее на пианино ленты с такой вышивкой лежали. Что-то нашла, порывшись в маминых вещах. А здесь уже узор из киний Габергэ — мотивы использовала.

— За основу вы берете русский крой и стиль...

— Посевдорусского, яркого, широкого, словом, того, что можно носить

только с кокошником на голове, у меня вы не найдете. Русские мотивы я выполняю в пастельных серых тонах — цвета идут от Серебряного века. А крой русский я действительно очень люблю — русского сарафана и душегрея с силуэтом, расклешенным от груди и лопаток. Стиль лебедь. Идет практически всем, противопоказания — только очень большая грудь. И ко-

тетливо, и не так навязчиво, и в исконо русской традиции.

— Как русский стиль, идущий в основном от деревенских традиций, приживается в городе?

— Сейчас русские женщины боятся исконно русского силуэта и с большой опаской начинают носить его. За русскими сарафанами в стиле модерн, как у Билибина, Бакста, ко мне духовчество приходит: во Франции, Америке их носят с удовольствием, а у нас пока очень робко. И в деревнях теперь, увы, все ходят в одежде городской и некрасивой... Я городская жительница, но в деревне я всегда с интересом наблюдаю за русскими женщиными, хотя бы как они платок повязывают. И когда оказываешься там, всегда спрашиваю, не осталось ли что-нибудь из старого. Но свое обычно не ценят, говорят, выбросили давно... В Костроме мне удалось купить плюшевую кофту. После войны в городе приезжало много крестьянок, голод был в деревнях, и они без паспортов устраивались нижними. У нас дома нижни менялись, но все они приезжали в таких плюшевых кофтах, очень комфортных, из настоящего хлопчатобумажного плюша, на вате, теплых, «дышащих», не то что сегодня хлопковые куртки. И мне повезло: в Костроме какая-то бабушка достала из сундука такую плюшевую кофту, причем новую. Я ее переделала, плечи перекроила, пуговицы красивые пришила, получилось очень необычно. Но настал тяжелый материальный момент в моей жизни. Одной американке безумно понравилась эта кофта, и она уговорила меня ее продать. И сколько таких случаев... Так ни о чем не жалю, много было продано, когда родителей не стало, всяких ложек серебряных и так далее, об этом не вспоминаю. Но вещи сами по себе, может, не ценные, но которые невозможно купить, вот их мне немножко жалко. Хотя тоже не очень. Все ведь так быстро проходит в жизни, что если еще о вещах жалеть...